

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

УДК: 821.161.1–31'06

М. Л. Вилесова, М. А. Хатямова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЕ Б. К. ЗАЙЦЕВА («СТРАННИК», «ДОМ В ПАССИ»)

Рассматриваются особенности эволюции женских образов в романе «Дом в Пасси», а также в дневниковом очерке «Странник», позволяющие проанализировать специфику творческого самоопределения автора в эмиграции. Именно в цикле «Странник» впервые выявляется изменение антропологических оснований женских образов в зайцевской прозе, проявившееся затем в романе «Дом в Пасси», в котором женские образы теряют мистический ореол, мифологическую аллюзивность, философский софиологический контекст, присутствующий в ранней прозе автора. Писатель в романе воспроизводит разные варианты существования женщины в эмиграции.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, романное творчество Б. К. Зайцева, мужское (женское) начало, эволюция творчества, женские образы, художественная антропология.

«Дом в Пасси» (1935) – третий по счету роман Б. К. Зайцева, рассказывающий историю «русского дома» в спальном квартале Парижа, где, по словам самого писателя, действие с Россией не связано, но внутренне из нее вытекает [1, с. 305]. Дом в Пасси становится «макрокосмом русского зарубежья» [2, с. 452], а герои романа, погруженные в чуждое пространство латинизированной Франции, воплощают варианты страннического эмигрантского существования. В связи с этим одним из ключевых видится вопрос об изменении авторской манеры изображения героя в зрелый период творчества, в частности интерес представляет исследование романа в ракурсе художественной антропологии женских образов, так как в дореволюционной прозе Зайцева героиням женщинам, женским характерам и темам отведено центральное место. Анализ особенностей воплощения женских образов, а также проблема изображения русской эмигрантки (странницы), и качеств, которые автор выделяет в женщине, находящейся в экзистенциальном состоянии изгнания, поможет рассмотрению сущности мировоззренческой и эстетической эволюции изображения женщины в прозе Зайцева русского и эмигрантского периода.

В раннем зайцевском творчестве (в сборниках рассказов и повестей «Тихие зори» (1906), «Полковник Розов» (1908), «Мой вечер» (1912), «Земная печаль» (1915), «Путники» (1919)) женщина, как правило, являет метафизический дух вечной женственности, красоты, гармонии, близкий искусству и мистической, таинственной стороне жизни, воплощая эталон иррациональности и чувственности, что обусловлено, скорее всего, связью авторских идеалов с философскими и эстетическими доктринами,

определившими вектор развития духовной жизни России в первой трети XX в. (русская религиозная философия, соловьевство, символизм).

Реалии эмиграции постепенно вносят коррективы в авторскую картину мира. В первом постреволюционном романе Б. К. Зайцева «Золотой узор» (1926) главная героиня еще отвечает идеалу женщины раннего творчества (гедонистически приемлющая мир красавица певица, растрчивающая себя под властью искусства и страсти). Однако конец 1920-х, 1930-е гг., отмеченные окончательной утратой иллюзий эмигрантов по поводу возвращения на родину и нарастанием тревожных настроений из-за становления тоталитарных режимов в Европе, побуждают к переосмыслению окружающей реальности, поиска новых смыслов. В это время в эмиграции резко возросла роль религии, и для многих эмигрантов, в том числе и для Б. К. Зайцева, укрепление в вере явилось источником внутренней силы, необходимой для того, чтобы пережить тяготы повседневности и заполнить пустоту, возникшую после утраты прежнего мира. Обстоятельства вынужденного разрыва с родиной не только заставляют Зайцева укрепиться в церкви и своей религиозности, но и определяют необходимость переосмысления мировоззренческих идеалов и эстетических принципов. В частности, трансформации подвергаются представления писателя о сущности женского начала и его характерных особенностях. Зайцева в конце 1920-х гг. занимает проблема духовности личности, процесс ее нравственного самовоспитания, устояния перед искушениями и соблазнами мира.

В дневниковом цикле Б. К. Зайцева «Странник» (1927), призванном обобщить изгнаннические

наблюдения писателя, женщина теряет романтический и мистический ореол, философский софиологический подтекст, ее образ приобретает земные, реалистичные черты («Замечательно, что Париж, женщиною насыщенный, больше всего мужчина. Он требует мужественности» [1, с. 147]). Именно в данном произведении наблюдается перелом авторских представлений о мужском (женском), духовном (телесном), рациональном (эмоциональном) началах, что впоследствии находит отражение в романном опыте постижения жизненных основ эмиграции («Дом в Пасси», 1935). В цикле «Странник» космический женский образ, олицетворяющий гармоничную красоту и мудрость, становится абстрактным символом, невоплотимым в парижской реальности. Подчеркнутая женская материальность и телесность (характерная черта зайцевских героинь в повестях и рассказах 1910-х гг. [3, с. 52–59]) приобретает в «Страннике» отрицательную коннотацию. Автор актуализирует христианскую проблему греховности плоти, враждебной духу, обрекающей человека на нравственное падение. Женщина в данном цикле представлена согласно христианской традиции средоточием плоти, греховным сосудом, что определяет ее духовную неполноценность и мещанскую приземленность. Зайцев умышленно не выделяет женщину из толпы, представляя в дневниковом цикле не индивидуально обусловленный, а обобщенный, типизированный образ женщины («по тротуарам снуют мелкие блудницы, зябнут, мокнут под ноябрьским дождем, забегают на минутку в бистро погреться, и опять на службу, некогда, жизнь тяжела. Они бродят напротив церкви Богородицы Полей и отдают бедные тела в отеле св. Девы за гроши людям в каскетках, запоздалым пьяным, всем порочным и падшим» [1, с. 166]). Образ мужчины здесь, напротив, индивидуализирован и призван оттенить женскую «бездушность», выявляя христианский идеал отречения от плоти, стяжания духа, воплощая нравственные религиозные ориентиры, близкие Зайцеву в годы эмиграции («Рафаил, митрополит Алеппо и Александретты» – волнуется само имя и далекие края, священные, откуда он <...> стоит на возвышении, в тяжелой золотой митре. Черные огромные глаза, южно-черная борода, голос высокий и красивый. Чистая жизнь, направленная на великую цель. Она проникнута духовностью, медлительной важностью, делом и служением» [1, с. 127]; или: «Архиепископ Иосиф был „угоден Богу“. От него в мире остался чистый и блестящий след. Какой доброты улыбка на его портрете! Как высоко! Как прекрасно прожитая жизнь!» [1, с. 159]). Примечательно, что солярная цветовая символика «золотого», ранее служившая для метафорического соотнесения женщины с божественным светом («рыжевато-сияю-

щая Лисичка» в рассказе «Миф» [4, с. 52]), «золотистые волосы <...> вечно образуют туманно-беспорядочный, отблескивающий нимб вокруг головы Елены» в повести «Путники» [5, с. 186]), теперь становится атрибутом «чистого духом» мужчины («золотая митра», «блестящий след»).

Повествуя о сущности эмигрантского бытия, писатель демонстрирует устремленность к христианскому порядку жизни: «Нет, без самоограничения нет силы, нет здоровья духа, значит, нет веселости. Аскетизм ведет к веселости! Вот за что накинута на меня „язычники“. Пускай кидаются. Не меня учить язычеству, если же ему поклонись и ему послужишь, ничего хорошего не будет» [1, с. 181]. Таким образом, в «Страннике» автор приходит к религиозному идеалу отречения от плоти, признанию ее греховности. В данном цикле Зайцев смещает акценты в изображении женского и мужского начала: причастность к божественной истине теперь отличает религиозного мужчину, тогда как женщина теряет мистическую способность приносить в мир гармонию и свет.

Ряд исследователей объединяют дневниковый цикл «Странник» и роман «Дом в Пасси» по принципу места действия (эмигрантский Париж) и близости сюжетных коллизий, обращенных к жизни русских эмигрантов [6, с. 175]. В романе «Дом в Пасси» также раскрывается тема духовного развития (или, напротив, деградации) личности в экзистенциальных обстоятельствах, где герои поставлены перед необходимостью выживать в чужой стране, искать себя и смысл существования в неприветливом и даже «инфернальном» [7, с. 78–93] городе. В подобных обстоятельствах утраты своего мира героини-эмигрантки теряют эмоциональность, иррациональность, тонкое ощущение действительности, характерные для женских персонажей дореволюционного творчества писателя, и обретают чисто мужские качества – рационализм, практичность, подчиняя чувства и эмоции рассудку, тогда как сфера духа и религии остается для них недоступной. Урбанистическая атмосфера Парижа, неистинность буржуазного европейского мегаполиса требуют от женщины мужественности, холодной расчетливости, вынуждая отодвинуть на второй план природную мягкость, сферу чувств и эмоций.

В целом женские образы романа можно дифференцировать по национальной принадлежности: русские эмигрантки и коренные француженки. Причем парижанки изображены изначально приземленными, зараженными грехом плоти. Одна из них – Женестьева – единственная иностранка в «русском» пассивском доме, «зарабатывает бедрами» [8, с. 132], торгует собой и не смущается этого. Проституция для нее не вынужденная мера вы-

живания, не страстное, порочное увлечение, а доступный способ неплохо заработать. Она имеет четкий распорядок дня («просыпалась поздно, в постели пила кофе и читала романы. Завтракала, мылась, тщательно расчесывала ресницы, работала пуховкой и румянами. Ровно в три уходила...» [8, с. 132]) и в работе руководствуется определенными принципами («соседей в клиентуре быть не должно»). Несмотря на «чувственную» профессию, героиня внешне эмоциональна, бесстрашна («В парижском человеке все перекипело, выварилось, отлилось, так удалилось от стихии, что человек уже готов. Его можно, родившись у Монмартра, прямо надеть на себя, как костюм», – заключает повествователь [8, с. 202]). Автор представляет героиню лишенной всякой рефлексии, выделяя отсутствие духовной жизни безразличной ко всему Женеви́евы. При этом ее положение в обществе гораздо более прочное, чем у добропорядочных русских жильцов: «Вы думаете, это Соня Мармеладова? Очень мало сходства. Мало. Она лучше всех из нас зарабатывает. И ее гораздо больше уважают», – подчеркивает генерал Вишневский [8, с. 128]. Миропонимание Женеви́евы выстроено на трезвых, деловых, рационалистических принципах европейского мира, однако жизнь для нее лишена верховного смысла, нравственных границ, мораль не представляет ценности (по мнению эмигрантки Капитолины, «если бы ей предложили мыть красных казаков, она спросила бы, почему с головы и снесла бы трудовые гроши в сберегательную кассу» [8, с. 293]), что обнажает ее духовную пустоту, высшую степень меркантильности.

Схожее изображение жительниц французской столицы можно встретить в статье эмигрантского религиозного писателя и публициста П. К. Иванова «La dame de Paris» («Современные записки». 1925. № 24): «Парижанка – это совершенный тип парижского жителя, воплотившего мелодию города, влюбленного в себя. <...> Цель ее жизни, или, вернее, бесцельность, – притягивание к себе (вбирание) почитателей»; «Ей не нужна любовь, не нужна доброта, не нужен человек, ей нужны только люди, лишенные себя и наполненные благоговением к ней»; «Она как живой город, который ничего не дает, ибо у него нет сердца» [9, с. 373–375]. Иностранки (и парижанки) воспринимаются эмигрантскими писателями как средоточие неистинности, чья жизнь «бесплодна», подчинена механическому существованию.

Еще одна француженка – состоятельная меценатша мадам Стаэ́ле, увлеченная искусством и благотворительностью. Именно ее любовь к искусству, заинтересованность проблемами окружающих и природная доброта (даже мягкотелость) позволяют увидеть в ней желание выйти из круга обыден-

ных западных «мещанских» приоритетов, оживить окружающую действительность, внести в жизнь духовное начало. Однако и она находится в плену материи, так как из-за собственной обеспеченности оказывается осаждаемой со всех сторон нуждающимися в ее помощи и просто аферистами, пользующимися не ее телом, но ее средствами. Устремление Стаэ́ле к прекрасному, чистому искусству и христианскому милосердию сопрягается с прагматичным подходом в вопросах благотворительности (пожертвования подкрепляются письменным отчетом просителей). Стаэ́ле воспринимают как «денежный мешок», даже осмотр монастыря в финальной сцене и разговор с монахом-настоятелем сопровождается с прошением о дальнейшем попечении и поддержке (Олимпиада рекомендует Стаэ́ле настоятелю следующим образом: «Видите, какую вам осетрину привезли? Это по благотворительной части. А мы, остальные, не по благотворительной» [8, с. 329]). Ее внешняя приземленность и тяжеловесность только оттеняют внутреннюю материальность («Голова, как на блюде, лежала на груди и плечах. Видимо, не так легко и ногам двигаться» [8, с. 92], по характеристике Котлеткина: «сильно нажратая буржуйка» [8, с. 333]). Стаэ́ле тяготится своей полнотой, ее мучает одышка и неловкость за собственную неповоротливость, но исправить положение она оказывается не в силах. Ограничения, аскетичный отказ от плотских удовольствий наводят на нее тоску и вызывают раздражительность, она обречена быть рабыней собственных желаний и потребностей («Я думала, что похудею, но несколько не худею, а только порчу себе настроение...» [8, с. 93]). Европейки в романе демонстрируют безоговорочную привязанность к материи, неспособность (Стаэ́ле) или нежелание (Женеви́ева) избавиться от земных оков потребительства ради духовных благ.

В отличие от француженок русским героиням эмигранткам, в которых еще жива природная страсть, стихийность, сильна память о прошлом, приходится совершать экзистенциальный выбор: либо приспособиться к чуждой парижской реальности, подчиниться ее законам, отбросив ненужное (чувства, желания и личные нравственные ориентиры, усвоенные на родине), либо потерпеть поражение – духовно или физически умереть.

Лучше других адаптироваться к французскому миру сумела предприимчивая Людмила, подруга Капы, благодаря своему жизненному кредо, характеризующему ее как меркантильного, поверхностного человека, а значит, соответствующего западному идеалу личности («Лучше просто делать. Жить, так жить. И возможно лучше», – резюмирует Людмила [8, с. 67]). Ее главная задача – «урвать от жизни свой кусок» [8, с. 62]. Любого рода сложности

она воспринимает как туманности, философствования и призрачные авантюры – бессмысленная трата времени. Героиня жаждет «выжить любой ценой», руководствуясь лишь первобытными инстинктами, примитивными стереотипами и желаниями. Она с иронией относится к семейному типу взаимоотношений в «русском» доме, считая, что подобные сентиментальные привычки лучше оставить в прошлом, освободиться от всякой рефлексии, перенять европейскую простую и ясную модель жизни («А в жизни, милая моя, существует только сила, ловкость да удача», – говорит она [8, с. 211]). Поэтому именно ей удалось так успешно ассимилироваться в парижской среде, подражая как внешним (духи, чулки, макияж), так и внутренним (поверхностность, практицизм, меркантильность) чертам парижанок («по ней не узнаешь на улице, Москва или авеню Монтэнь», – подчеркивает Капа [8, с. 64]). Красивые синие глаза героини холодны, как будто «залакированы», и навсегда «кукольно закрашены», в них нет подлинного понимания или сочувствия. По мнению П. К. Иванова, «обыкновенная жительница Парижа похожа на куклу. <...> ...как высшее свое выражение, создал этот город бесплодную парижанку. Она влюблена в свой город и хочет быть его послушной рабой, но она лишена творчества. Ей ничего не остается, как сделаться точной копией мертвой моды» [8, с. 375]. И если парижанки становятся искусственными манекенами Парижа, его блеклыми эпигонами, то подражающие им русские – копиями копий, манекенами в квадрате, лишенными страны, национальной идентичности и индивидуальности. Приспосабливаясь, встраиваясь в парижскую реальность, Людмила постепенно забывает свою «русскость», прежнюю жизнь, стирает из памяти старых ненужных знакомых («В ней есть уже иностранное, какой-то привкус... – и высокомерие к русским. Ну да, мы нищие, за что нас уважать? <...> Но меня она еще помнит. Удивляюсь. Скоро забудет и меня», – замечает Капитолина [8, с. 289]). Мир для Людмилы замыкается на мнимых и иллюзорных ценностях – деньгах, наживе, выгоде.

Образ и история Капитолины контрастно противопоставлены выбору Людмилы и пути ассимиляции с парижской реальностью. Отстаивая правду чувствования, Капа трагически не совпадает с современным европейским мироустройством, даже соседский семилетний мальчишка Рафаил, с детства впитавший практичные каноны западного поведения, по сравнению с ней является олицетворением здравого смысла. В изображении героини можно обнаружить следование декадентской традиции, «культуре излома души», с ее отвращением к пошлой реальности, эстетизацией смерти и тоски (она с горечью цитирует в дневнике отрывок пар-

дийного декадентского стихотворения, заученного еще в России: «Жизнь, – молвил он, остановясь, среди зеленеющих могил, – метафизическая связь трансцендентальных предпосылок. Последних слов не понимаю, но от них хочется плакать» [8, с. 295]). Работа в кондитерской иронически оттеняет наполненную страданиями, отнюдь не «сладкую жизнь» героини. За внешней непримечательностью (невысокий рост, глубокие глаза, сросшиеся брови, не очень красивое лицо, глуховатый голос) скрывается напряженная внутренняя жизнь, наполненная острыми переживаниями собственного онтологического одиночества («Как тяжело утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда. От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет, навсегда исчезли краски дня» [10, с. 418]). Жизнь Капитолины воплощает драму человека, утратившего вместе с родиной, привычным бытом, семьей, любовью собственную идентичность, смысл жизни, который она уже не может и не желает обрести. Меланхоличная, истеричная Капа не в силах противостоять даже своим эмоциям и чувствам (раздражению, злости, унынию, тоске, влюбленности), страдает неврозом, депрессией, поэтому ее образ тесно связан с мотивом физического и духовного нездоровья. Болезненное увлечение легкомысленным авантюристом и прожектором Анатолом становится для нее роковым испытанием, формальным поводом покончить с жизнью, которая давно утратила свой смысл. Автор акцентирует внимание читателя на внутренней жизни героини с помощью включения в роман ее дневниковых записей. Их «рваная», лишенная датировки и хаотично выстроенная, содержащая вырезки из газет алогичная структура раскрывает психологическое состояние одинокой женщины и обнажает ее экзистенциальное, болезненное ощущение реальности («душа моя вовсе бесплодна, вовсе выжжена. Ничего! Может быть, я погибаю? Может быть. И это ничего не значит» [8, с. 292]). Подобным образом изображается подлинность личной трагедии героини, совершившей тяжелый грех самоубийства, позволяет показать внутренние предпосылки события и снять осуждение ее поступка извне (несмотря на церковный запрет, самоубийцу Капитолину все же отпевают по христианскому обычаю). Неспособность адаптироваться к враждебной западной реальности обрекают душевно опустошенную Капу на трагический финал (ее абсурдная смерть приводит в ужас рациональных французов – «кто будет платить за газ?») [8, с. 307]). Экзистенциальный выбор Капитолины состоит в отрицании новых жизненных обстоятельств и нежелании существовать в них.

Другой путь принятия эмигрантского бытия представлен в образе Доры Львовны («Разумная Дора... она всегда делает все разумно», – говорит о ней Капа [8, с. 87]). Детали ее облика подчеркивают земную укорененность героини: еврейское происхождение, медицинское образование, ясность мировидения. Дора воспринимает жизнь спокойно, «без сантиментов», крепко стоит на ногах, в обществе держится солидно, порядочно, достойно, не любит «душевных угловатостей», воспринимая их как личностный дефект («Я – врач. Занимаюсь телом. Понимаю все обыкновенное, земное, мистицизма во мне нет» [8, с. 314]). Попав в чужую страну, она не растерялась, занялась «реальным» делом (массажем), приносящим стабильный доход («Не такая она, чтобы потеряться и здесь» [8, с. 83]). Показательно ее отношение к чувствам: расставшись с мужем до рождения ребенка, Дора «вычеркнула его из своей жизни» («После полагающегося количества бессонных ночей, выяснив все, что надо, она на седьмом месяце беременности от него ушла – углом треугольника быть не пожелала» [8, с. 82]), жила «одиоко, холодно», «легкие авантюры не одобряла». Но при расчетливости и прагматизме Доры Львовны от «искусственной» Людмилы ее отделяет внутренняя мотивация: она руководствуется *чувством* – материнской любовью. В христианстве любовь к ближнему (беспричинная, безосновательная, бескорыстная), подобная материнской любви, является высшей и главной духовной добродетелью, поэтому любовь Бога к людям представлена в виде аллегорической связи небесного Отца и его детей. От других героев романа Дору и генерала Вишневого отличает статус «родителя» (Дора – мать Рафаила, генерал – отец Маши), все остальные героини (Женевьева, Стэле, Людмила, Капа, Фанни, Олимпиада, Анатолий, Мельхиседек), несмотря на возраст и семейное положение, бездетны. Именно генерал и Дора смиренно принимают обстоятельства изгнания и в то же время не теряют веры в добро и в свои силы, стремятся помочь соседям, не забывая о моральном и нравственном долге человека перед ближним. Их приземленность и рационализм обусловлены необходимостью выжить, но не ради себя и собственной выгоды, а для того, чтобы позаботиться о своем потомстве, предоставив ему лучшие условия, порой жертвуя собой (Дора занимается массажем все свободное время, не имея личной жизни; генерал буквально недоедает, бросая в копилку «на проезд Машеньки» последние гроши). Несмотря на то что еврейка Дора Львовна воспринимает религию сугубо утилитарно, она не противится увлечению сына не понятным ей православием, считает своим врачебным долгом помогать больным и нуждающимся. Таким образом,

гуманное отречение от эгоизма, утверждение свободы другого, путь бескорыстной любви, жизнь ради ближнего становятся для героев Зайцева спасительным шагом на пути к обретению духовного равновесия в условиях «борьбы за жизнь» в эмиграции.

Для изображения женских образов ключевым в романе является их отношение к любви. Так, чувства Капитолины к Анатолию напоминают невзаимное болезненное влечение, навязчивую идею; интрижка Доры и Анатолия пробуждает искру влюбленности в душе одинокой женщины, но для мужчины остается лишь очередным поверхностным приключением и заканчивается так же стремительно, как и началась; Людмила находится в поиске более выгодной и подходящей партии, состоятельная Олимпиада давно не живет с мужем и находит утешение, флиртуя с молодыми ухажерами, поддаваясь своей «женской слабости»; Женевьева и вовсе «торгует любовью». Только недалекая вдова Валентина Григорьевна, портниха с «добрым сердцем и светлыми немудрящими глазами» (все вывезено из родного Сапожка, и никакие Европы ничего не поделают» [8, с. 229]) решается на серьезный шаг: связать свою жизнь с соседом Львом. Однако теперь брак и любовь в художественном мире Зайцева – это не сопричастность высокой истине и космической гармонии, а прозаичный способ облегчить друг другу жизнь, разделить бытовые заботы и финансовые расходы: влюбчивая, эмоциональная Валентина уже дважды была замужем и собирается в третий раз («Она выходит замуж за шофера, и они будут разводить себе подобных», – иронизирует Капитолина [8, с. 307]). Иное, высокое значение обретает в зайцевском романе материнская, отцовская любовь, заставляющая искать смысл и возможности существования, отказаться от собственных желаний ради будущего поколения. Подобную семантику несет и дружеское наставничество генерала над Рафаилом, пробуждающее в мальчике любовь к православию, любознательность, ответственность, помогающее самому Вишневному не потерять бодрости духа и интереса к жизни.

В художественном мире Б. К. Зайцева в 1930-е гг. романтический, мистический и философский подтексты в женских образах нивелируются. Автор воспроизводит несколько типов существования женщины в эмиграции: трагическое неприятие реальности (Капа), неистинная ассимиляция в чужеродной среде (Людмила), а также жизнь во имя будущего своих детей (Дора). Парижанки изображены Зайцевым как средоточие приземленности и меркантилизма. В романе «Дом в Пасси» можно наблюдать и изменение авторских представлений о любви. Наибольшую ценность

приобретает бескорыстная родительская любовь, тогда как любовь между мужчиной и женщиной представляется либо как мимолетное плотское удовольствие, либо как способ обустроить быт. Теме смерти, «характерной для первой волны эмиграции, прощающей с утраченным бытием» [11, с. 295], в зайцевском романе противопоставлена жизнеутверждающая тема преемственности по-

колений, возобновления жизни в детях и родительской любви к ним (генерал после смерти Маши становится учителем в Скиту, Дора с Рафой переезжают в новую квартиру). Специфика изображения женщины в романе может быть объяснена эволюцией мировоззрения писателя, изменением авторской картины мира, важнейшее место в которой заняла христианская религиозность.

Список литературы

1. Зайцев Б. К. Дни // Собрание сочинений: в 11 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 9. 560 с.
2. Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX – начала XX века. М.: Юрайт, 2012. 630 с.
3. Вилесова М. Л., Хатямова М. А. Женские образы в ранних сборниках Б. К. Зайцева // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 52–58.
4. Зайцев Б. К. Миф // Собрание сочинений: в 11 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 1. 608 с.
5. Зайцев Б. К. Путники // Собрание сочинений: в 11 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 2. 544 с.
6. Яркова А. В. Образ Франции в произведениях Б. К. Зайцева («Странник», «Дом в Пасси») // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева: сб. ст. Третьи международные Зайцевские чтения. Вып. 3 Калуга, 2001. 362 с.
7. Млечко А. В. Иеротопия: построение сакральных пространств в романе Б. К. Зайцева «Дом в Пасси» (по страницам «Современных записок») // Вестн. Волгоградского гос. ун-та, 2008. № 7. С. 78–93.
8. Зайцев Б. К. Дом в Пасси // Собрание сочинений: в 11 т. М.: Русская книга, 1999–2001. Т. 3. 576 с.
9. Иванов П. К. La dame de Paris // Литература русского зарубежья: антология. Т. 1. М.: Книга, 1991. 432 с.
10. Ильин И. А. Родина и мы // Литература русского зарубежья: антология. Т. 2. М.: Книга, 1991. 560 с.
11. Хатямова М. А. Сюжет умирания в повестях Н. Н. Берберовой // Жанровые и повествовательные стратегии в литературе русской эмиграции / отв. ред. М. А. Хатямова. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2014. 364 с.

Вилесова М. Л., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: m-vilesova@mail.ru

Хатямова М. А., доктор филологических наук, профессор.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: Khatyamovama@mail.ru

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: Khatyamovama@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.01.2015.

M. L. Vilesova, M. A. Khatyamova

THE TRANSFORMATION OF FEMALE IMAGES IN THE B. K. ZAYTSEV'S EMIGRANT PROSE ("THE WAYFARER", "THE HOUSE IN PASSY")

The article discusses the features of the evolution of the female images in the novel of B. K. Zaytsev "The House in Passy" and diary essay "The Wayfarer". This allows to analyze the specificity of creative self-determination of the author during emigration. It is in "The Wayfarer" that the change of anthropological bases of female images in Zaitsev's prose was first detected. In the novel "The House in Passy" the writer reproduces the characteristic types of emigrants and of indigenous French women. Female image loses its mystical air, mythological allusiveness, philosophical "sophiological" context, present in the early prose of the author. The writer shows different variants of the women's life's in emigration.

Key words: literature of Russian emigration, novels of B. K. Zaytsev, masculine (feminine), evolution of creativity, female images, literary anthropology.

References

1. Zaytsev B. K. Dni [The Days]. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected works in 11 vol.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999–2001. Vol. 9. 560 p. (in Russian)
2. Sokolov A. G. *Istoriya russkoy literatury kontsa XIX – nachala XX veka* [The history of Russian literature of the end XIX – beginning of the XXth century]. Moscow, Yurayt Publ., 2012. 452 p. (in Russian)
3. Vilesova M. L., Khatyamova M. A. Zhenskiye obrazy v rannikh sbornikakh B. K. Zaytseva [Female images in B. K. Zaytsev's early prose]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 11 (139), pp. 52–58 (in Russian).
4. Zaytsev B. K. Mif [Myth]. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected works in 11 vol.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999–2001. Vol. 1. 608 p. (in Russian).
5. Zaytsev B. K. Putniki [The Travelers]. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected works in 11 vol.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999–2001. Vol. 2. 544 p. (in Russian)
6. Yarkova A. V. Obraz Frantsii v proizvedeniyakh B. K. Zaytseva ("Strannik", "Dom v Passi") [The image of France in the B. K. Zaytsev's prose ("The Wayfarer", "The House in Passy")]. *Problemy izucheniya zhizni i tvorchestva B. K. Zaytseva: Sb. st. Tret'i Mezhdunarodnye Zaytsevskiyе chteniya* [Problems of studying the B. K. Zaytsev's life and work. Third International Zaytsev's reading]. Vol. 3. Kaluga, 2001. Pp. 173–180 (in Russian).
7. Mlechko A. V. Ierotopiya: postroeniye sakral'nykh prostranstv v romane B. K. Zaytseva "Dom v Passi" (po stranitsam "Sovremennykh zapisok") [Hierotopy: the construction of sacred spaces in the B. K. Zaytsev's novel "The House in Passy" (pages on "Modern notes")]. *Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Science Journal of VolSU*, 2008, no. 7, pp. 78–93 (in Russian).
8. Zaytsev B. K. Dom v Passi [The House in Passy]. *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Collected works in 11 vol.]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1999–2001. Vol. 3. 576 p. (in Russian)
9. Ivanov P. K. La dame de Paris [The women of Paris]. *Literatura russkogo zarudezh'ya* [Literature of Russian emigration. Anthology]. Vol. 1. Moscow, Kniga Publ., 1991. 432 p. (in Russian)
10. Il'yin I. A. Rodina i my [Homeland and We]. *Literatura russkogo zarudezh'ya* [Literature of Russian emigration. Anthology]. Vol. 2. Moscow, Kniga Publ., 1991. 560 p. (in Russian)
11. Khatyamova M. A. Syuzhet umiraniya v rasskazakh N. N. Berberovoy [The plot of the dying in the N. N. Berberova's stories]. *Zhanrovye i povestvovatel'nye strategii v literature russkoy emigratsii* [Genre and narrative strategies in the literature of Russian emigration]. Tomsk, TGPU Publ., 2014. 363 p. (in Russian)

Vilesova M. L.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: m-vilesova@mail.ru

Khatyamova M. A.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: Khatyamovama@mail.ru